
РЕЧЕВОЙ АКТ ПРОСЬБЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

ВЕРА АДАМЯН

*Просите, и дано будет вам;
<...> ибо всякий просящий получает.*
Евангелие от Матфея

Речевой акт просьбы является одним из важнейших и наиболее употребительных в повседневном общении речевых актов (далее: РА). Способы репрезентации РА просьбы в том или ином языке варьируются в зависимости от культуры. В самых общих чертах РА просьбы может быть выражен прямо или косвенно. При прямом выражении просьбы каузатор обращается с просьбой эксплицитно (императивные конструкции, далее: ИК), при косвенном – имплицитно (вопросительные конструкции, далее: ВК). Лексико-грамматическое оформление РА просьбы (как и других речевых актов) в языке указывает на особенности лингвокультуры.

Преобладание в лингвокультуре того или иного способа выражения просьбы свидетельствует о сильной или слабой выраженности в ней категории вежливости. Категория вежливости является ключевым понятием для акта просьбы: ведь в выполнении просьбы заинтересован говорящий, и, следовательно, он должен обращаться с просьбой вежливо. В своей статье «О собеседнике» О. Мандельштам замечает: «Глубокий смысл имеет культурное притворство, вежливость, с помощью которой мы ежеминутно подчеркиваем интерес друг к другу»¹. В этом контексте показательно высказывание Н.И. Формановской: «Чтобы достичь чего-то «для себя» с помощью просьбы, человек и должен быть вежливым»². Этикетные формулы общения исследователь называет «социальными поглаживаниями». Интерес представляет высказывание В.Е. Гольдина: «Можно ли измерять отношения между людьми? Конечно. Есть отношения равенства и неравенства, близкие и далекие, теплые и холодные, легкие, тяжелые, натянутые и т.д. Практически мы все время измеряем их и пользуемся результатами измерений. Но линейка, термометр и даже точные весы в данном случае бесполезны, хотя в принципе человеческие отношения измеряются так же, как и все другое: посредством сравнения; а с помощью этикета выражают

¹ Мандельштам О.Э. О собеседнике// Мандельштам О.Э. Слово и культура. М., 1987, с. 48.

² Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. М., изд.-во ИКАР, 2005, с. 92.

результаты измерений»³. Э. Гоффман рассматривает вежливость как «сохранение лица». Исследователь определяет введенное им понятие лица как «позитивный общественный облик» («positive public self-image»), которым стремится обладать любой человек при акте коммуникации⁴. П. Браун и С. Левинсон, развивая данное понятие, отмечают, что каждый участник коммуникации, вступая в коммуникативное сотрудничество, стремится сохранить «лицо» собеседника, проявляя «заботливое» отношение к нему. Как следствие, исследователи выделяют позитивное (positive face) и негативное лицо (negative face). Позитивное лицо – это положительный образ, который хотят для себя создать участники коммуникативного акта. Это – желание быть положительно оцененными своими собеседниками. На этом фоне негативное лицо – желание любого компетентного члена действовать без каких-либо препятствий со стороны собеседника⁵. В лингвистике категория вежливости рассматривается в контексте изучения формул речевого этикета на материале речевых актов в конкретном языке. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть категорию вежливости в русской, армянской и английской лингвокультурах на материале речевого акта просьбы.

В русской и армянской лингвокультурах в разговорном дискурсе РА просьбы зачастую образуется эксплицитно в форме императивных конструкций: *«Я во всем этом уже была, **одожди мне «Картье» к черному платью!**»* (Устинова, «Подруга особого назначения»); *«Нет точно, Сергей, **одожди мне денег, очень надо»*** (Гришковец, Город); *«Зин, **одожди пятерочку!**»* (Довлатов, Заповедник); *«**Захвати два сникерса!**»* (Слипенчук, Зинзивер); *«Сережа, миленький, **принеси открывалку, – жалобно просит Мила»*** (Горин, «Чем открывается пиво?»). Обратим внимание на последнее предложение: как видим, носитель русского языка в форме императива может даже «жалобно просить», правда со «смягчителем» просьбы – деминутивом «миленький».

Императивные конструкции распространены и в русском педагогическом дискурсе: *«Вера, **сообщите мне об отсутствующих...**»* (преподаватель студентке) (Гришковец, «Декан Данков»). Показательно в этой связи высказывание Ю.Е. Прохорова и И.А. Стернина: «...вежливость в педагогическом общении в русском коммуникативном поведении в определенном смысле однонаправленная – снизу вверх она обязательна и в основном соблюдается, а сверху вниз допускает исключения»⁶. Примечательно, что в Англии в педагогическом общении распространены косвенные кон-

³ Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., «Просвещение», 1983, с. 9.

⁴ См.: Goffman E. Interactional Ritual: Essay on Face-to-Face Behavior. Garden City, New York, «Anchor Books», 1967, p.5.

⁵ См.: Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, «Cambridge University Press», 1987, p.61.

⁶ Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М., «Флинта: Наука», 2007, с.196.

струкции: «*Could I draw your attention to this map, please?*» (букв. «Мог бы я привлечь ваше внимание к этой карте, пожалуйста?»)⁷. В русской речевой культуре, как и в армянской, трудно представить такое обращение. Ни одна учительница, обращаясь к ученику, не скажет: «*Могла бы я привлечь ваше внимание к этой карте, пожалуйста?*». Соответствующая фраза в русском языке будет звучать примерно так: «*Посмотри(те) на эту карту*», в лучшем случае – с показателем вежливости «пожалуйста». Заметим, что высказывание «*Могла бы я привлечь ваше внимание к этой карте, пожалуйста?*» может быть произнесено русской преподавательницей с интонацией сарказма, в ситуации, когда ученик мешает занятию, а в обычном случае мы непременно имели бы дело с императивом.

Интересно замечание В.А.Масловой относительно понятия вежливости в русской лингвокультуре: «...в русском языковом сознании и картине мира вежливость – антипод грубости: вежлив тот, кто не ругается матом, не кричит, не перечит старшим, т.е. тот, кто соблюдает правила приличия, правила этикета». По ее словам, у русских проявление вежливости связывается с «этикетным бездействием», и они «излишнюю с их точки зрения, вежливость связывают с проявлением неискренности»⁸. На наш взгляд, эти слова в равной степени применимы и к армянской лингвокультуре. Носители армянской лингвокультуры также несколько «скупы» на модификаторы вежливости, особенно при фамильярных отношениях: «*Գանչէք բ քարտի պարտիին*» (Խեչոյան, «Դատախազի թաղումը»); «*Բանալին տոն իր ինձ*» (Մկրտչյան, «Խոշոր շահում»); «*Տոն իր ինձ մի թաւս ուկէ գինի, վրան արծաթ փրփուր շարած*» (Դեմիրճյան); «*Փող տուր ինձ*» (Զեյթունցյան); «*Զանգի բ, իմացի բ. – ասաց Միհայր*» (Խալափյան, «Եվ վերադարձնելով ձեր դիմակները»); «*– Բէք, Մարտիրոսն ու*» (Դեմիրճյան); «*Փող տուր, կինս ծանր հիվանդ է, կարծեմ ուզում առնել...*» (Փայտյան, «Քոչ»); «*Մամ, մի պապիլուզ տուր, իմը վերջացել է*» (Խեչոյան, «Թանկագին քար»); «*Մի հատ երգի, լսենք*» (Խեչոյան, «Խնկի ծառեր»); «*Տոն իր, տոն իր, – թախանձում էի ես*» (Նար-Դու, Զազունյան). Интересно последнее высказывание, аналогичное вышеприведенному высказыванию «*Сережа, миленький, принеси открывалку, – жалобно просит Мила*» относительно семантики императива в русской лингвокультуре. Как видим, в армянской лингвокультуре императив также может обладать семантикой настойчивой просьбы, мольбы – «*Տոն իր, տոն իր, – թախանձում էի ես*». Также обратим внимание на предпоследнее высказывание, содержащее десемантизированную частицу «*մի հատ*». Данная частица пользуется большой популярностью в армянском языке не только в повседневной беседе, но и в рабочей обстановке, как

⁷Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009. <https://www.e-reading.club/book.php?book=137743>

⁸Маслова В.А. Лингвокультурология. 4-е изд., стер. М., 2010. с.163-164.

правило, в ситуации вышестоящий→нижестоящий: «Մի հասն զանգի՛ր Խաչաթյանին, ասի՛ թո՛ղ դու զերցնի՛ր փաստաթղթերը» (директор секретарю, живой дискурс). В ситуации нижестоящий→вышестоящий «մի հասն» используется в форме ВК: «Մի հասն կզանգե՞ք . . . ընկերություն, տեսնե՞ք ինչ պայմաններ են տաքարկում, զանգել էին իրենք» (секретарь директору).

Как видно из вышеприведенных примеров, в армянском языке наблюдается аналогичная картина. И в армянском языке просьбы, образованные с помощью повелительного наклонения, встречаются в быту, в подчеркнуто-фамильярной беседе. Необходимо отметить, что во всех приведенных случаях среди собеседников – фамильярные отношения. Говорящий прибегает к императиву тогда, когда, по его мнению, выполнение просьбы не составляет труда для адресата: «Սպասիր, մի փայրկյան հետ տիրի» (Կուսանդյան, «Փոխվելու ժամանակը»).

На этом фоне заметим, что в английской лингвокультуре императив без актуализаторов вежливости употребляется редко и, в большинстве случаев, среди собеседников, которых связывают близкие отношения, выполнение просьбы не требует больших усилий: «*Okay, slow down*» (во время пробежки, близкие подруги, х/ф «Bride wars»); «*Please tell him to come right along*» (Maugham, «Rain»).

Следующей по распространенности конструкцией среди способов выражения просьбы в русской лингвокультуре являются ИК с показателями вежливости «пожалуйста» (доминантная частица), «будь/те добр/ы», «будь/те любезна(ен)/ы». Это утверждение носит условный характер, поскольку в формальной обстановке при подчеркнуто-вежливых отношениях данная конструкция является самой распространенной. Так, например, «пожалуйста» употребляется как в разговорном дискурсе при максимально дружеских отношениях, так и в официальном дискурсе: «*Позовите, пожалуйста, Иннокентия Иннокентьевича*» (разговор по телефону, Краковский, «Лионский дилижанс»); «*Пожалуйста, подбросьте меня в ближайшее отделение милиции*» (женщина лет 30-и малознакомому мужчине, Дашкова, «Место под солнцем»). В формальном дискурсе также часто встречается показатель вежливости «будьте добры»: «*Будьте добры, покажите мне все вещи покойной Берты Шварцман и комнаты вашей супруги*» (Зарин, «В поисках убийцы»).

Конструкция «глагол в повелительном наклонении + пожалуйста» широко распространена в формальной обстановке. Ею пользуется вышестоящий по отношению к нижестоящему: «*Напомните, пожалуйста, телефон нашего клиента...*» (Гришковец, «Рубашка»); «*Григорий, проводите меня, пожалуйста*» (Гришковец, «Рубашка»). Наличие частицы «пожалуйста» не отражается на ее семантической интерпретации: «Так, если начальник отдает приказ подчиненному, то *пожалуйста* не превращает

приказ в просьбу, как иногда считают, а лишь свидетельствует о вежливости начальника», – справедливо отмечают в этой связи В.С.Храковский и А.П.Володин⁹. Авторы книги «Русский язык и культура речи» признают, что лицо, отдающее приказ, имеет право делать это в любой форме, «однако, – справедливо утверждают они, – культурный, прогрессивный руководитель умеет направить деятельность подчиненного, используя просьбы или предложения, может так организовать ситуацию, что подчиненный будет заинтересован в выполнении задания»¹⁰. Действительно, если в конструкции, выражающей приказ, употребляется частица «пожалуйста», приказ внешне предстает как вежливая просьба, хотя предполагает беспрекословное выполнение: «*Пожалуйста, Галя, уберите и тут!*», – обращается хозяйка к своей домработнице (т/п «Домработница»). Рассмотрим следующий пример: «–*Зайдите, документы заберите, пожалуйста*» (т/п «Центральное телевидение»), – обращается президент России Владимир Путин к своему секретарю. Как видим, человек, занимающий высший государственный пост страны, обращается с просьбой (фиктивной, п. ч. просьба требует обязательного выполнения), применяя конструкцию «глагол в повелительном наклонении + стандартный показатель вежливости *пожалуйста*». Сегодня данная конструкция является образцовой для всех носителей русского языка в формальной обстановке. Она преобладает и тогда, когда наряду с субординативными отношениями имеется показатель «дружественность», «фамильярность»: «*Валя, дорогая, сделай нам кофе, пожалуйста*» (мужчина среднего возраста секретарю-подруге, Гришковец, «Асфальт»). Основной маркер вежливости «пожалуйста» часто выступает в этой функции, ибо в дружеской обстановке, носители русского языка «не церемонятся», опуская маркеры вежливости и используя только императив.

В непринужденной дружеской беседе эта частица имеет значение усиления просьбы: «*Сена, налей мне, пожалуйста!*» (мужчина своему другу, Гришковец, «Асфальт»); «*Вот что: принеси, пожалуйста, обертку, из которой ты взял*» (Трифонов, «Обмен»); «*Бутылку водки принеси, пожалуйста, холодную только*» (Житков, «Кафедра»). В разговорном дискурсе абсолютным синонимом «пожалуйста» является будь другом: «*Леха, давай, будь другом, сгоняй, возьми на всех, мы без тебя не начнем, только быстро!*» (Моторов, «Преступление доктора Паровозова»); «*Может, я им помешала чем? Расскажи, будь другом, очень надо*» (Завершнева, «Высотка»); «*Лаврик печенку украл, будь другом, убери, я опаздываю*» (Донцова, «Микстура от косоглазия»). В неформальной беседе также используется актуализатор вежливости «*будь добр/а*»: «*Тормозни у самосвала, будь добр*» (Волос, «Недвижимость»); «*Только что вылутились. Будь добр,*

⁹ Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., «Наука», 1986, с.186.

¹⁰ «Русский язык и культура речи». Учебник (под ред. В.И. Максимова, А.В. Голубевой). СПб., «Златоуст», 2010, с. 182.

присмотри за ними!» (Дорофеев, «Эле-Фантик»); *«Юля, будь добра, найди им какие-нибудь халаты и бахилы ... ,– попросил я одну из сестер»* (Моторов, «Преступление доктора Паровозова»).

Такая популярность этих маркеров вежливости обусловлена высоким иллокутивным наполнением. Показатели вежливости могут иметь оттенок требовательности, как при фамиллярных, так и нефамиллярных отношениях: *«Пожалуйста, перестань со мной говорить, как учитель с учеником»* (два друга лет 40-а, Гришковец, «Асфальт»); *«Пожалуйста, оставь меня в покое. Я устал»* (Дашкова, «Место под солнцем») и *«Давайте не будем делать ситуацию глупее и нелепее, чем она есть! Помолчите, пожалуйста!»* (Гришковец, «Рубашка»). Семантикой недовольства и требовательности могут обладать и др. маркеры вежливости: *«будь/те добр/ы»* и *«сделай/те милость»* (менее распространенный маркер): *«Раз попали на писательскую стезю, так будьте добры, запаситесь терпением»* (Паустовский, «Книга о жизни»); *«Вы уж сделайте милость, расскажите, а мы разберемся, относится это к делу или нет, – мягко улыбнулся майор»* (Дашкова, «Место под солнцем»). Интерес представляет замечание Т.В.Лариной о модификаторах просьбы *«будь/те добр/ы», «будь/те любезна(ен)/ы», «сделай/те милость»*: «С точки зрения межкультурной прагматики данные высказывания весьма любопытны. В них содержится некий внешний парадокс. С одной стороны, перечисленные модификаторы являются актуализаторами вежливости, с другой стороны, они выражены в форме императива, то есть в одном высказывании содержатся два императивных глагола, что удваивает просьбу, усиливает давление на адресата»¹¹.

Конструкция стандартный показатель вежливости *пожалуйста* + императив является излюбленной конструкцией для носителя русского языка. Подтвердим это и цитатой из рассказа Н.А.Тэффи «Демоническая женщина»: *«...простая», «не демоническая» женщина попросила бы вина у хозяйки следующим образом: «Марья Николаевна, дайте мне, пожалуйста, вина».*

Именно данная частица лежит в основе стереотипного высказывания «скажите, пожалуйста», широко распространенного в русской языковой картине: *«Скажите, пожалуйста, – слышался внизу голос старушки, – где здесь справочное бюро?»* (Романов, «Слабое сердце»). Так, в «Национальном корпусе русского языка» найдено 1619 вхождений данного высказывания. Подобные высказывания можно охарактеризовать как «просьбу сказать», т.е. адресант хочет побудить слушающего к информированию о чем-либо. Будучи стереотипным данное высказывание воспринимается нами подсознательно, целно, а не отдельными компонентами,

¹¹ Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., «Рукописные памятники Древней Руси», 2009. <https://www.e-reading.club/book.php?book=137743>

однако, заметим, что даже к незнакомцу носитель русского языка обращается в форме императива. Англичане в такой ситуации говорят: «*Could you please tell me where is...?*».

Армянский эквивалент «խնդրեմ» не распространен в такой степени, как частица «пожалуйста». Дистрибуция этих частиц также существенно отличается. В армянском языке слово «խնդրեմ», являющееся эквивалентом русского «пожалуйста», имеет значительно меньшее употребление, нежели его русский эквивалент. Чаще всего «խնդրեմ» встречается в формальной обстановке, в отличие от русской частицы «пожалуйста», являющейся универсальной. Сказанное нами относительно нечастого употребления этой частицы также подтверждается данными ВНК. Так, по данным корпуса было найдено около 6000 вхождений слова «խնդրեմ» и 17 тыс. слова «խնդրում եմ». При этом отметим, что из этих 6000 употреблений очень часто «խնդրեմ» выступает как словоформа от «խնդրում եմ». Нельзя не заметить, что в армянском языке своеобразной формой выражения перформативной просьбы является конструкция «*որ խնդրեմ...*», распространенная и в формальном, и фамильярном дискурсе. «*–Որ խնդրեմ, տնօրենին կամե՞ք զանգ տա ինձ*» (клиент секретарю директора крупной организации), «*–Որ խնդրեմ, կգնա՞ս քու հարցի*» (сестра брату).

Русская частица «пожалуйста» в равной степени используется как в формальном, так и в неформальном дискурсе в отличие от аналогичной армянской частицы, использующейся в неформальном дискурсе: «*Ասացե՛ք խնդրեմ, ինչպես կարող է ստոր մարդը բարի զգացմունքների անկեղծ արտահայտիչ լինել*» (Զարյան, «Հուշապատում»); «*Պատմե՛ք խնդրեմ, թե ինչ է տեղի ունեցել 2006 թվականի հունվարի չորսին*» («Հայկական ժամանակ», 2006.03.16); «*Խնդրեմ ծանոթացի՛ր...*» (Սևունց); «*Խնդրեմ, սուրճ պատրաստի՛ր*» (Խաչիկյան, «Ամառ առանց այգաբացի»); «*...երե դուք նորից բախումների գնալու արտահայտությունը օգտագործելու էք, խնդրեմ, այն օգտագործե՛ք այն ամուլիսներին, որտեղ նստած են պետական պաշտոնյաներ*» («Առավոտ», 2008.06.06).

На фоне такой распространенности конструкции «императив + частица *пожалуйста*» в русском языке в английском языке эта конструкция не считается достаточно вежливой и может показаться грубой в конкретных ситуациях. Так, в интересующем нас материале из пьесы О. Уайльда «Идеальный муж» среди многочисленных примеров просьбы конструкция «*please + глагол в повелительном наклонении*» встретила нас лишь один раз: «*Please get me a glass of water*» (Wilde, «An Ideal Husband»), при этом между собеседниками, состоящими в субординативных отношениях.

На фоне русской и армянской лингвокультур в английском языке (речь идет о британском варианте) наблюдается совершенно иная картина. Здесь встречаются исключительно косвенные способы выражения прось-

бы, более того с модальными глаголами. Рассматриваемое Дж. Серлем выражение «*Can you pass the salt?* («*Можете ли Вы передать мне соль?*») является классическим примером косвенного речевого акта просьбы. «Главной мотивировкой (хотя и не единственной) использования подобных косвенных форм является вежливость. <...> *Can you...* вежлив по меньшей мере в двух смыслах. Во-первых, говорящий не предполагает, что информация о способностях слушающего известна заранее, как было бы в случае высказывания повелительного предложения; во-вторых, эта форма предоставляет (или, по крайней мере, она выглядит таким образом) слушающему возможность отказа, поскольку вопрос, требующий положительного или отрицательного ответа, допускает и отрицательный ответ. Тем самым согласие выполнить просьбу может быть представлено как некий свободный акт, а не как подчинение некоторому предписанию»¹². Тем не менее, автор справедливо отмечает, что в вышеуказанных случаях целью высказывания является именно просьба, и говорящий дает понять слушающему, что к нему обращаются с просьбой.

Такого же мнения придерживается Г.Г. Почепцов. Он отмечает, что высказывание *Вы можете передать соль?* более этикетно, чем чистая просьба *Передайте, пожалуйста, соль*. Как полагает автор, вопрос конструирует ситуацию, степень нереальности в которой выше, чем в просьбе¹³. Действительно, вопросительное предложение «более чувствительно» к «сохранению лица» собеседника, нежели повелительное, ибо форма вопросительности подчеркивает возможность невыполнения желания каузатора: «*Andrew could you come and hold this door?*»; «*Could you label them up for me?*»; «*Could you do this for me?*»; «*Could you slip out (pause) and retrieve our pianist?*» (все примеры из Национального корпуса английского языка, далее: BNC). Интересно, что даже при побуждении, в выполнении которого заинтересован слушающий, говорящий прибегает к вопросительной конструкции с модальным глаголом: «*Could you give me a shout when I'm due?*». Нередко встречается обилие показателей вежливости: «ВК + модальный глагол + маркер вежливости *please*»: «*Could you wind up now please?*»; «*Could you please let me know whether this would be possible?*»; «*Please could you let me know if your insurance covers damage to these items?*»; «*Could you put the question first please?*» (примеры из BNC). Как видно, в английском языке просьба выражена в форме вопросительной конструкции с использованием модального глагола и сопровождающего актуализатора вежливости «*please*». Нередко наблюдается «Я-позиция», когда говорящий как бы берет действие на себя: вместо «*Could you...?*» «*Could I...?*», что делает просьбу более вежливой: «*Could I just borrow your pen and I'll write*

¹² Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986, с.213.

¹³ См.: Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. Киев, 1986, с.38.

that down. Thanks» (BNC). Такие конструкции обладают высокой долей косвенности. Конструкции с модальными глаголами в силу своей «ненавязчивости» изобилуют в английской лингвокультуре. Примечательно, что на фоне одного единственного модального глагола в русском языке – «**мочь**» – в английском языке имеются четыре таких глагола – «**can**», «**could**», «**may**», «**might**», различающиеся нюансами в употреблении, в частности, степенью вежливости, формальности/неформальности¹⁴.

Нельзя не заметить, однако, что в последнее время в русской лингвокультуре наблюдается тенденция интенсификации категории вежливости. Приведем несколько примеров из учебника, где все задания оформляются с помощью актуализаторов вежливости: «**Вспомните, пожалуйста, какую речь называют выразительной**»; «**Скажите, пожалуйста, что необходимо для убедительного, доходчивого, действенного выступления**»; «**Вместо точек вставьте, пожалуйста, слова, ...**»; «**Укажите, пожалуйста, какие речевые ошибки исправлены**»¹⁵.

В последнее время все больше слышатся косвенные просьбы в форме вопросительных конструкций с модальным глаголом *мочь*. Русские в большинстве случаев с такой конструкцией обращаются, когда думают, что своей просьбой предоставляют неудобства адресату, в отличие от англичан, для которых эта конструкция является повсеместной: «**Вы можете сейчас приехать? Я знаю, что смена сегодня не ваша, но... я вас очень прошу, Глеб Петрович!**» (Устинова, «Жизнь, по слухам, одна!»). Говорящий, спрашивая о возможностях адресата, тем самым каузирует его на определенное действие. В формальной обстановке все чаще используется ВК с модальным глаголом «мочь» в отрицательной форме. В формах с отрицанием степень вежливости сильнее, так как в самой форме дается возможность, хотя бы теоретически отказаться от выполнения. Эти конструкции зачастую встречаются в формальной обстановке, среди как знакомых, так и малознакомых или незнакомых собеседников. «**Обсуждали ли вы возможное снижение мировых цен на нефть, а также не могли бы Вы рассказать немножко больше о возможном экспорте природного газа в Мексику?**» («Дипломатический вестник», 2004); «**Это говорят из киногруппы «Жизнь начинается». Вы не могли бы к нам приехать? С вами хочет поговорить режиссер-постановщик Юрий Чулюкин...**» (Никулин, «Почти серьезно»). В Национальном корпусе русского языка – 367 вхождений этого выражения, в Национальном корпусе армянского языка – еще меньше, при этом в большинстве случаев с оттенком недовольства: «*Լիւի, Դուք՝ որպէս նախագահող նախախորհրդուն, չէիք կարող ճշտել ինչ*» («Առաջնություն», 2006). Тем не менее, форма императива пока является преоб-

¹⁴ См. Thomson A.J., Martinet V.A. A practical English grammar. Fourth ed. London, Oxford UP, 1986, 383p.

¹⁵ Адамова С.В. Практикум по культуре русской речи (учебное пособие). Ер., «Асогик», 2007, с.10, с.11, с.40, с.60.

ладающей в русской и армянской лингвокультурах.

Примечательно, что в английском языке даже в сфере обслуживания просьба построена так, что объектом действия является сам говорящий (обслуживаемый): «*Can I have a cup of tea, please*»; «*Can I have a fork, please?*»; «*Can I have the bill, please*». Эти конструкции, являющиеся характерной именно для английского языка, отличаются высокой долей вежливости, ведь говорящий, не желая навязываться казулируемому и ограничивать его личную свободу, хотя бы вербально берет действие на себя. В русской лингвокультуре в аналогичной ситуации будет иметь место конструкция «императив + *пожалуйста*»: «*Принесите счет, пожалуйста/ будьте добры*»; «*Принесите мне, пожалуйста, кофе*» (Набоков, «Подлец»); «*–Борщ!!! Принесите два, пожалуйста*» (Гришковец, «Рубашка») или же «дательный адресата (он может и вовсе отсутствовать) + объект + актуализатор вежливости»: «*Людмила Андреевна, мне, пожалуйста, кофе*» (Новикова, «Мужской роман»). В армянском языке в сфере обслуживания в последнее время широко распространены вопросительные конструкции: «*Մէր հաշիւը կրէրե՞ք*». Вопросительная конструкция является несомненно очень вежливой, но выполнение действия как несловесно, так и словесно остается за слушающим. В английском языке и в этом случае степень вежливости гораздо больше: ВК содержит модальный глагол и сопровождается маркером вежливости: «*Could you bring the bill, please?*». Тем не менее, в Национальном корпусе английского языка больше вхождений конструкций с «Я-позицией» в этой сфере: «*Could I have...*». Это говорит о различии лингвокультурных миров.

Таким образом, в силу распространенности императивных конструкций категория вежливости представлена в русском и армянском языках слабее, чем в английском языке, где императив практически не встречается. В английском языке просьба выражается в форме вопросительной конструкции, причем с использованием модального глагола и сопровождающего актуализатора вежливости «please». Такие конструкции обладают максимальной степенью косвенности, ведь очень часто, обращаясь с просьбой, говорящий формально берет действие на себя (Я-позиция), хотя в реальности выполнение просьбы остается за слушающим. В русском и армянском языках такие конструкции редко встречаются. Данное различие вовсе не говорит о вежливости или невежливости того или иного народа, а свидетельствует о различии лингвокультурных миров и, следовательно, традиций в языках.

На наш взгляд, такая разница выражения речевого акта просьбы может порождать проблемы при переводе. Переводчик должен учитывать эту разницу. В буквальном переводе английская фраза может оказаться чересчур вежливой, вычурной с точки зрения носителя русского языка и, напротив, в буквальном переводе русские высказывания с семантикой просьбы, без

учета необходимой для просьбы в форме русского языка интонации, могут оказаться чересчур черствыми, невежливыми с позиции англичан. Эта проблема становится еще более актуальной при переводе художественных текстов. При буквальном переводе речи персонажей есть опасность ввести читателя в заблуждение в связи с «положительностью» или «отрицательностью» персонажа. С позиции английского читателя персонаж, обращающийся с просьбой в форме императивной конструкции, может показаться невежливым, невоспитанным человеком, с позиции же русского читателя – англичанин может выглядеть притворным, лицемерным.

Ключевые слова: Категория вежливости, речевые акты, речевой акт просьбы, императивные конструкции, вопросительные конструкции, лингвокультура

ՎԵՐԱ ԱՂԱՄՅԱՆ – Խնդրանքի խոսքային ակտը միջմշակութային հաղորդակցության համատեքստում. – Հոդվածում դիտարկվում է քաղաքավարության կատեգորիան միջմշակութային լույսի ներքո խնդրանքի խոսքային ակտի նյութի հիման վրա: Ինչպես ցույց է տրվել, խնդրանքի արտահայտման ձևը կարող է արտահայտել տվյալ լեզվամշակույթի առանձնահատկությունները և դրանում քաղաքավարության կատեգորիայի՝ ուժեղ կամ թույլ արտահայտված լինելը: Հոդվածում մասնավորապես դիտարկվում են ռուսական, հայկական և անգլիական լեզվամշակույթները:

Բանալի բառեր – քաղաքավարության կատեգորիա, խոսքային ակտեր, խնդրանքի խոսքային ակտ, հրամայական կառույցներ, հարցական կառույցներ, լեզվամշակույթ

VERA ADAMYAN – The Speech Act of Request in the context of Intercultural communication. – The paper discusses the category of politeness on the material of the Speech Act of Request in the light of Intercultural Communication. As shown in the paper, the expression of The Speech Act of Request can show the characteristics of the particular linguistic culture and the expression of politeness in that. In the article, in particular, Russian, Armenian and English Linguocultures are considered.

Key words – Category of politeness, Speech Acts, Speech Act of Request, Imperative Constructions, Interrogative Constructions, Linguoculture

Поступление: 24.06.2019

Рец.: 04.07.2019

Принято к печати: 15.07.2019